

Северный поход

Татьяна ЗУБКОВА, учительница биологии и географии Московского Центра образования № 109

“Всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает — слушающий становится говорящим”

М.М. Бахтин

“Кристофер Робин, Пух и Сова, Кролик и все его родичи вместе двинулись к Полюсу — честь и хвала! Вот только где это место — друзья ведь не ведали...”

“Винни-Пух и все-все-все”, А. Милн

Наш выезд с детьми на Север в начале лета 1999 года чем-то напоминал именно это “мероприятие по поиску Северного Полюса”, описанное в “Винни-Пухе” Милном. Правда, не Северный Полюс был нашей целью, а северный остров по имени Кий, но колорит происходящего имел нечто трогательно родственное с мудрой сказкой и героизмом плюшевого медвежонка. Возраст участников нашей экспедиции — 12 лет (семиклассники). Состав — 14 человек детей, четверо взрослых (и один пёс). Цель нашей экспедиции — достичь берегов древнего архипелага в водах Белого моря и исследовать его земли.

Дело в том, что мы к тому времени уже два года вели игру в древних славян и викингов. Ко времени экспедиции история двух наших маленьких племён включала в себя освоение леса родного микрорайона, походы и переселение в глубины лесопарка на “новые земли”, битвы с захватчиками, традиции племенных праздников календарного цикла (как традиционные, так и свои, так сказать, местные).

Игра была придумана и начата для того, чтобы в её содержании соединить два начала — изучить природу и культуру жителей лесной полосы, прочувствовать связь народных традиций с природным окружением. Нельзя сказать, что взрослые, разрабатывавшие идеологическую канву игры и ключевые её сюжеты, были яркими приверженцами географического детерминизма, тем не менее глубокую органичную связь ландшафта и культуры этноса, в нём существующего, сложно отрицать.

Наши задачи — в рамках игры ненавязчиво подвести ребят к участию в диалоге между природой и человеком. Большое значение мы придаём не технике выживания в лесу, на реке, вдали от городской цивилизации, хотя попутно эти навыки дети осваивают. Главное в этой работе — осмысление своей связи с природой, прочувствование, проживание в реальной жизни понятий, увы, всё более превращающихся в книжные — “ветер”, “солнце”, “дождь”, “дерево”, и так до бесконечности. Работа идёт параллельно в пространствах мифо-поэтическом и реальном.

Бестелесность и уплощённость образов и понятий, которыми насыщен учебный процесс в школе, для городского ребёнка сегодня являются почти нормой восприятия пространства. В восприятии времени также доминируют не естественные ритмы Вселенной, а циферблат часов, причём всё чаще не круговой, со стрелкой, хоть отдалённо, но напоминающий солнечные часы, а с “бегущей строчкой” готовых электронных цифр.

Как современному ребёнку проникнуть в живописные закоулки русского (например) языка, если ничего объёмного, выпуклого, яркого, что в языке есть, в его жизни почти не встречается? Отсюда и предметы в школе “уплощаются”, либо насыщаются самобытнейшими образами собственного изготовления вне культурной традиции. Ведь под одним и тем же словом можно понимать и представлять разные вещи. Сегодня географу, биологу, историку, да и литератору воистину знать не дано, “как слово наше отзовется...”

Компьютер и видео для городского человека школьного возраста заменяют лес, двор,

часто общение и, в конечном счёте, жизненный опыт (когда на экранах телевизоров возникла динамичная пара Том и Джери, вряд ли медикам пришло на ум сопоставить статистику и характер травм младших школьников с интенсивностью просмотра ими этих мультфильмов). А самый обычный ответ на вопрос: “Ты читал эту книгу?”. “Нет, не читал...”. Он, она, они — смотрели кино по этой книге. Хорошо если “родную версию”, сделанную на языке подлинника.

Как понять, не представляя, и как представить, не соприкоснувшись с жизнью, то, что требуется представить? Как вести диалог, если за словами не стоит их глубинная многозначность смыслов? Ведь понимание “не есть перевод с чужого языка на свой собственный...”. “Слово, если оно не заведомо ложь, бездонно” (М.М. Бахтин).

Что является критерием истинности услышанного слова? — Жизненный опыт, вживлённое в него слово не как абстрактное, плоское, абсолютное понятие, но как прожитое, прочувствованное и, тем самым, присвоенное жизненное, многогранное явление, им выраженное.

Игра, как известно, — дело серьёзное. Особенно, если вы играете с детьми. В нашем случае — это расширение возможностей для диалога и естественный фон, настраивающий на него. В нашей игре, построенной на исторической и этнографической основе, проходит проживание разнообразных ситуаций, связанных с осмыслением отношений между человеком и природой, и отражение этих представлений в гранях культуры.

Северная экспедиция завершала второй год нашей игры. Остров в Белом море был выбран для совершения Путешествия. Он вводил в нашу игру необыкновенный мотив — дорога “за тридевять земель”. Переселение в новые земли. Для того чтобы оно было истинным, мы решили соблюсти некоторые традиции.

Первое условие — все паломники, посещавшие Кий-остров в старину, обязательно привозили на него немного земли. Дети взяли землю с родных очагов в лесу (конечно, вместе с домовыми, которые за теми очагами присматривали). Эту землю с положенными почестями мы смешали с землёй острова на новом кострище (получился некий аналог обряда братания).

В нашей игре присутствуют костюмы и оружие. *Вторым условием* было создание особого костюма для нового рождения. Конечно, изготовить подлинный и полный костюм славянского или скандинавского типа (VIII или X века) очень сложно. Материалы, из которых его шили раньше, дороги сегодня (лён, чистая шерсть, сукно, кожа, мех). Мы ограничились элементами костюма. Основой была льняная рубашка с орнаментальной традиционной вышивкой по горловине, рукавам и подолу. Сделали понёву, повязку для волос, платок и украшения для девочек — обереги, которые нынче называют “фенечками”. Рубашка соседствовала со старыми джинсами (парадокс в том, что на выставке крестьянского костюма прошлого века в Костроме мы видели аналогичные джинсам модели детских портов цвета индиго, так что, если клёпка не заметна, и сходство есть). Были также безрукавка, опояска, меч (деревянный с изоляцией из пенополиуретана) и щит, украшенный личным орнаментом.

Символикой традиционного славянского орнамента мы занимались целенаправленно, как и символикой и внутренним смыслом таких понятий, как “дорога”, “земля”, “лес”, “дом”, “дерево”. Специально для экспедиции мы сшили новые белые льняные рубашки. Обережный узор на них и девочки, и мальчики должны были делать сами, уже на острове, где нам всем предстояло символически родиться в новых землях.

Третье условие — мы будем заниматься исследованиями, так что неизбежно присутствует полевой дневник. Вести полевой дневник сложно, это требует самодисциплины и умения. Два года в разные сезоны мы периодически выезжали на полевые практики в Подмоскowie в стационар “Экосистема”, где с детьми занимались биологи и географы. Элементарные методики полевых наблюдений и их оформление детям были знакомы.

Четвёртое условие — мы будем представлять в путешествие свой город. К сожалению, и это мы знали заранее, к москвичам-школьникам отношение настороженное, поскольку

они отличаются, по отзывам жителей иных мест, некоторой, мягко говоря, невоспитанностью. Мы не хотели оставлять по себе недобрых воспоминаний.

Пятое условие — мы, конечно, в определённом смысле первооткрыватели, но все, кто уходил в дальние земли, старательно собирали любую информацию о желанных краях. Всё, что можно было узнать о городе Онеге и Кий-острове, мы узнали от коренного жителя тех мест, волею судьбы хорошо с нами знакомого. Из книг, конечно.

Добирались до города Онеги долго — больше суток. Попутно успели погулять по Вологде, подумать о старинном городе с высоты его колокольни. Прибыли в Онегу рано утром, в дождь. А дальше нас ждали море, и небольшой катер, и ветер, который местные люди называют “моряна”. Ветер нагонял волны, казавшиеся для нас непомерно большими. Катер стоял бортом ниже причала и ждал вместе с нами прилива. Это было первым знакомством с местными особенностями ритма жизни.

Дело в том, что приливы на Белом море высокие, но “большая вода” приходит и уходит каждый раз со смещением на 40 минут. Так что нет постоянного расписания движения катеров в устье реки Онеги, а есть скользящее расписание “большой” и “малой” воды. В то утро мы ещё не прочувствовали, как это глубоко влияет на жизнь.

Катер шёл по морю, укачивая нас, около часа. Дети к концу этого срока слегка притихли и побледнели. “За тридевять земель” добираться непросто как в сказках, так и в жизни. Выгружались мы всё в ту же качку и под дождём. На пристани нас молча встречали сам директор и его сотрудники. Не знаем, почему, но как-то настороженно они нас рассматривали. Мы же были искренне рады, что добрались.

Единственно, после приветствий нам сказали, куда двигаться с рюкзаками, а объяснения напоминали извинение за неудобства: “Моряна всех замучала, первый год за много лет такое начало сезона”. Действительно, 31 мая утром лёг снег. Нам стало ясно, что мы вернулись в раннюю весну. Это было ещё одним нарушением привычного хода казенного календарного времени.

Условия проживания мы считали нормальными. И не просто нормальными, а интересными. Остров есть остров. Это миниатюрное государство со своими природными законами и человеческими правилами жизни. Мы начали вживаться, приняв эти правила и знакомясь с законами.

Природа здесь уникальна. На второй день наша экспедиция отправилась в обход архипелага. Дело в том, что гранитный массив Кий-острова — одновременно и один остров, и группа островов архипелага. Всё зависит от того, “большая” вода или “малая”. В прилив все проливы, которые здесь называют “переймы”, закрыты морем. А в отлив можно пешком обойти 15 островов по открывшемуся дну моря. Нам удалось в первый день обойти почти 4 самых главных острова. “Почти” потому, что на одном из них в тундровом ландшафте располагались гнездовья. Мы не стали тревожить птиц. Зато хорошо прочувствовали, что такое литораль, ил, бурые водоросли, скалы, прибой Белого моря (прибой характерен, на Чёрном море он иной, на Балтике — тоже), ветер “моряна”, мхи, накипные и кустистые лишайники, ягодники...

Мы успели обойти остров до закрытия перейм. Пока обходили, дети сделали несколько важных выводов, главный из которых — какое красивое и богатое место! Тайга и тундра, луга и болота, пески и скалы, птицы и тюлени... Всё это предстояло исследовать более детально. Вечером того же дня мы определили рабочие группы.

Нас интересовала погода — шёл циклон, положение острова, по меридиану вытянутого с севера на юг по длинной оси, позволяло просто ориентироваться в направлении ветров. Обзор горизонта — поразительный, если хорошо выбрать точку для наблюдений — почти круговой. Два независимых метеоролога наблюдали за погодой ежедневно, отмечая перемены ветра, характер дождей и прочие явления. Холод и дождь как жизненные неудобства нас волновали мало, так как одеваться по погодным условиям дети уже умели и от дождя и ветра не страдали.

Растительностью острова и разнообразием его ландшафтов занималась группа ботани-

ков. Они составляли первоописание растительных сообществ. Помимо этого нас занимала проблема распределения ландшафтов на острове и так называемой свили — кручёных сосен. Мы решили выяснить, как связана свиль с ветрами и на каких островах архипелага её больше.

Геологическое строение заслуживает особого внимания, так как Кий-остров — это краевая часть древнего кристаллического Балтийского щита Русской платформы. Возраст гранитов, лежавших у нас под ногами, был фантастическим, исчислялся миллиардом лет и более. К тому же на острове имелись выходы амфиболитовых пород, в 30-е годы на них работали каменоломни. Скалы, оглаженные ледником, чем-то напоминали берега карельских озёр, Ладогу. Естественно, у нас появилась группа геологов.

Животное население нас почти не боялось: тюлени, ожидавшие вместе с рыбаками улова, рассматривали с любопытством наших зоологов, но вот позировать отказывались. Кулички-сороки, утки гаги, чайки, мелкие кулички и многие другие птицы составляли естественный фон нашей жизни, не подозревая, что для москвичей все они — экзотика.

К концу экспедиции дети привыкли к тому, что рядом другие существа живут своей жизнью. Особенно во время отлива, когда на няше (илистая литораль, вязкая, топкая) шла кормёжка, во время которой птицы чётко распределялись по территории залива в зависимости от микроландшафта дна. В отступающей воде искали пропитание гаги, по краю воды и появлявшейся суши работали чайки. Мелкие кулички стайками добывали пескожила в полосе освободившегося дна. Кулички-сороки контролировали собственно няшу.

Отдельного исследования потребовала проблема пресной воды. Мы нашли изрядные запасы льда в трещинах на скалах, под мхами. Нашли сами дети, кстати сказать, по звуку капли в тишине. Во многих местах лёд ещё лежал, хотя уже была первая декада июня.

Проблема снабжения пресной водой на острове — историческая проблема. Есть всего два водоёма — естественный пруд и искусственный монастырский пруд. А также колодец, по преданию вырытый самим Никоном — патриархом-реформатором, который в XVII веке основал на острове Крестовый монастырь, призванный умалить власть Соловков на Севере.

Всем участникам экспедиции без исключения нравилось наблюдать, как идёт прилив в переймы и заливы, и, конечно же, поразительное отсутствие ночной темноты, закаты далеко за полночь, необходимость разводить каждый вечер костры, чтобы просушить вещи. Нравились купания в море, требовавшие немалой отваги и закалки.

Помимо тематических наблюдений и работы у всех было свободное время и право на личные симпатии к острову.

Все исследования проводились самостоятельно, консультации давали: биолог, географ, историк, топонимист. На наше счастье, в конторе дома отдыха оказались контурные карты острова, что очень помогло в обработке материала. Естественнонаучная часть работы занимала большую долю дня. Все материалы исследований обрабатывались вечером.

Одновременно шла игра. Земли, которые мы изучали, должны были стать нашими. Мы не завоёвывали их, мы просто вникали в их жизнь, чувствовали их, прикасались к ним в буквальном и переносном смысле. Мы были открыты восприятию природы, потому что как славяне (и как викинги) чувствовали, что здесь она естественна для нас.

Наши знания — знания древних славян и викингов о мире и главных смыслах предметов и явлений, подсказывали нам, что остров может стать родной землёй. Но эта форма осмысления работает в мифо-поэтическом пространстве. Главное, мы чувствовали весь мир вокруг живым и способным к диалогу. Живые сосны, волны, ветер — для нас это не условность игры или сказки — это способ чувствования. Нельзя разговаривать с миром, который только полезен или целесообразно устроен. Можно любить только живое и прочувствованное. Объяснённое же и изученное можно только использовать.

На Кий-острове всё было живым. У каждого ребёнка была возможность соприкосновения с этим живым миром в меру собственных способностей вести диалог.

Общим итогом игры в первооткрывателей было действительно открытие острова для каждого из детей. Мы можем сказать, что нам захотелось родиться на его земле и назвать её

родной. Поэтому мы праздновали на закате предпоследнего дня экспедиции своё рождение, умывшись водой Белого моря и надев новые рубахи, на которых каждый успел вышить свой орнамент-оберег из знаков, связанных с его представлениями о счастливой жизни под северным солнцем.

Потом была составлена “карта владений”, на которой каждому отводились земли с условием, что он будет знать о них всё, что сможет, и если судьба позволит, заботиться о них. Были избраны наместник, жрец, воевода... Были костёр и состязания в силе и мастерстве владения мечом...

Уезжали мы большой водой, которая пришла вместе со штилем, грозой и коротким ливнем в четыре часа утра, дав нам ещё раз ощутить, что кроме ритма электронного будильника есть ещё вечное дыхание моря-океана и прихоти северного солнца, сводящего ночь на нет.

Был ли продуктивным наш выезд? Можно тщательно проанализировать его с точки зрения методик и приёмов. Но, честно говоря, не хочется — открытие состоялось, любовь возникла, понимание пришло, в памяти всё осталось живо и ярко. Карты, записи, отчёты можно повторить без патетики странствия. Мы же на несколько дней стали сопричастны чувству вечного изумления человека путешествующего и жаждущего заглянуть за горизонт — в этом нам дана была романтика викингов, идущих к Гренландии, поморов, узнанных Грумант, и многих, многих других, кого безудержно звала и уводила дорога.

“Via est vita”.